

УДК 821.161.1.09"1922/..."

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОНОМАРЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы и журналистики XX–XXI веков филологического факультета, Московский педагогический государственный университет
taponomareva@mail.ru

Рец. на кн.: Маркова Е. И. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 354 с.

Творчество Н. А. Клюева, самобытного русского поэта, родоначальника и идеолога новокрестьянской литературы, сгинувшего в сибирской ссылке, было возвращено современному читателю в первую очередь благодаря усилиям ученых из Петрозаводска и Ленинграда – Санкт-Петербурга. Основы научной биографии Клюева были заложены А. К. Грунтовым и В. Г. Базановым. Среди современных исследователей Клюева Елена Ивановна Маркова пользуется заслуженным признанием. Более двадцати лет ее научной деятельности отдано изучению творчества поэта: многочисленные статьи, доклады, монография «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства», ставшая основой докторской диссертации. Ее концепция клюевского творчества базируется на убеждении, что жизнь поэта – это воплощение судьбы крестьянского рода = русского народа, через его творчество постигается национальный код русской культуры.

Итогом многолетней работы над текстами Клюева стала новая книга Е. И. Марковой «Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты». Она посвящена автобиографической прозе поэта. Этот частный, на первый взгляд, аспект творчества Клюева рассматривается в монографии не для того, чтобы раскрыть биографию писателя, в которой остается немало белых пятен. Целью исследования становится реконструкция родословия «посвященного от народа», которое рассматривается сквозь призму евангельских и литературных текстов, фольклорно-мифологических образов и мотивов. События жизни Клюева представлены как факты его духовной биографии – жизни «на русских путях». Автобиографическая проза Клюева, как справедливо считает Е. И. Маркова, не является документальным повествованием. Это духовное послание поэта современникам и потомкам, что предопределяет его циклическую целостность и позволяет рассматривать его как единый текст.

Сугубо научный труд с огромным количеством ссылок, сносок, цитируемых источников, с глубоким анализом поэтики и многослойных смысловых пластов автобиографической прозы Клюева написан ярко, талантливо, страстно. Е. И. Маркова ставит перед читателем вопросы, вовлекая его в сотворчество. Так, рассматривая роль легенды о

праведном граде Китеже в художественном сознании поэта, она пишет: «Что же Клюев? Почему он не переступил черту, не пошел во врата? Потому ли...» (с. 276). Или, обращаясь к выражению Клюева «то червонное золото светозарит», Е. И. Маркова вопрошает: «Почему Клюев употребил столь редкий глагол “светозарит”? Насколько он точен: может, следовало употребить глагол “златозарит”?» (с. 233). Автор книги выступает в триединой роли исследователя, лектора, пропагандиста, возвращая читателя к ранее сказанному, напоминая исходные тезисы. Нравнодушие к предмету исследования, безусловно, подкупает и привлечет к книге внимание широкого круга читателей русской словесности и таланта Н. Клюева.

Научная убежденность Е. И. Марковой сочетается с открытостью для дискуссий. Неоднократно выводы из анализа фрагментов текста предваряются предположением «возможно». Уточняя или оспаривая точку зрения других исследователей, она не забывает указать и на зерно истины в работах предшественников. Это доверие к чужому слову сочетается с абсолютной свободой научной мысли, и в монографии Е. И. Марковой немало научных открытий, многие известные факты биографии Клюева осмыслены по-новому. Приведу лишь один пример. Об отсылках к Евангелию в биографической прозе Клюева говорилось неоднократно. Е. И. Маркова ставит иную задачу – «понять смысл потаенной ориентации Клюева на Новый Завет» (с. 65).

Композиционно книга делится на три раздела. Монография начинается с главы, важной для осмысления автобиографической прозы Клюева как целостного текста. В первой главе, что достаточно необычно для монографии, полностью приведены все восемь известных текстов автобиографической прозы Клюева с указанием истории публикаций, имен исследователей, которые к ним обращались, с их жанровой характеристикой. Это позволяет читателям получить целостное впечатление о прозе поэта, сопоставить собственное мнение с видением исследователя, вернуться при необходимости к тексту Клюева. Ключевым композиционным приемом Е. И. Марковой является повтор. Она неоднократно возвращается к отдельным эпизодам духовной биографии, анализируя или интерпретируя их в разных аспектах.

Второй раздел посвящен присутствию евангельских текстов в автобиографической прозе Клюева. Новый Завет в его повествовательном сюжете свидетельствует, что «русский путь Клюева – это путь русского крестьянина к Спасителю» (с. 70). Принципиальным для Е. И. Марковой является создание Клюевым своего крестьянского «неродословного» родословия как доказательство непреложной для поэта истины, что крестьяне – самый древний, а значит, самый благородный класс, обладающий древней, не менее высокой, чем дворянская, культурой и «лично и соборно несущий в себе Христа» (с. 70). Этим обусловлена проекция образа «я» в прозе поэта на образ самого Христа. Сакральная родословная Клюева, как и Иисуса Христа, исчисляется по матери. Как известно, в «праотцах» Клюев числил неистового Аввакума, приводя слова матери, что их род «от Аввакумова кореня повелся»: «В тебе, Николаюшка, Аввакумовская слеза горит, пустозерского пламени искра шает». Е. И. Маркова, подчеркивая, что в православной Руси родство шло по духовной линии, тем не менее высказывает предположение, что Аввакум мог быть крестным отцом прародительницы Клюева. Но подсчет количества поколений с середины XVII века до рождения поэта, 14 колен, что позволяет исследовательнице сопоставить их с 42 (14 x 3) коленами родословия Христа, не выглядит убедительно, да и буквализм противоречит установке Клюева и автора монографии на воссоздание духовной биографии крестьянского сына, тем более что слова матери могут восприниматься именно в метафорическом значении. Пример иного рода – дата рождения поэта. Документально установленный 1884 год не совпадает с исчислением возраста самим поэтом, который чаще всего указывал на 1887 год. Исследовательница видит в этом проекцию на 1917 год и на тридцатилетний возраст Христа. 35-летний возраст, обозначенный в «Автобиографии» 1923–1924 годов, для Е. И. Марковой связан с символикой середины земной жизни и содержит скрытую отсылку к «Божественной комедии» Данте. Но уменьшение возраста, возможно, не связано с символикой. Многие крестьяне вплоть до 20-х годов XX столетия и введения в СССР обязательной гражданской регистрации новорожденных не знали точной даты рождения, отмечая именины и путаясь в возрасте. (Свидетельством тому могут служить несколько примеров из истории поколения родителей и дедов автора рецензии.) Это замечание вовсе не отменяет общего хода рассуждений исследовательницы о символических «возрастных» совпадениях в автобиографической прозе Клюева. Большое место в монографии Е. И. Марковой занимает житийный аспект биографии поэта, который раскрывается на примере самого значительного текста – «Гагарьей судьбины». Несмотря на то что «Гагарьей судьбине» посвящен ряд специальных работ, в том числе известного ученого К. Азадовского, Е. И. Марко-

ва находит в ней те смыслы, которые ускользнули от внимания исследователей. Подробно и многосторонне анализируются сюжеты посвящения, послушания, испытаний-искушений, мотив чуда, начиная с крещения «в хлебной квашонке», раннего постижения грамоты по древнему Часовнику и заканчивая видениями и вещими снами. Необычное крещение Клюев объясняет бытовыми обстоятельствами (чтобы «шибко кричащий» ребенок «до попа не помер»), но ассоциация с «хлебом» церковного причастия вписана в сюжет посвящения – «облечься в Христа, Христовым хлебом стать и самому Христом быть». Испытания героя связаны с искушением другой верой. В религиозном аспекте другое исповедание – это сектантство-скопчество, с точки зрения крестьянской родословной чужое – значит городское.

Проблемы крестьянской культуры и цивилизации, «мужичье» в родословной Клюева сопрягаются в третьем разделе монографии с народными мифологическими и фольклорными представлениями. Объектом анализа становится китежский комплекс в творчестве Клюева. Тропа Батыя из народных социальных легенд, ведущая к Китежу, городу праведников, укрывшемуся от войска хана Батыя в водах озера Светлояр, осмыслена в более широком контексте национального праведничества и спасения.

Как образно пишет Е. И. Маркова, Клюев ведет читателя «к исчезнувшему граду Китежу, поднявшемуся не со дна Светлояра, а всплывшего с родного Онега» (с. 225). В текстах Клюева образ праведной земли сопрягается с северными топонимами (студеный Коневец, Пудожские земли, Соловки и др.). Возвращение героя Клюева, исходившего многие земли, «назад в деревню, к сосцам избы и ковриги-матери», для автора монографии объясняется тем, что «центром святой Руси, ее сегодняшним народным Иерусалимом, незримым градом Китежем является родная сторона» (с. 225). «Гагарья судьбина», делает верный вывод Е. И. Маркова, – бытующее представление о Русском Севере как сакральном центре.

Понятие Русского Севера включает в себя не только этнически-русское, но и финно-угорский извод, наложивший заметный отпечаток на севернорусскую культуру и словесность. Феномен Клюева может быть осмыслен только в контексте других культур, в первую очередь финно-угорской. В «Родословии Николая Клюева» рассмотрены фольклорно-мифологические образы медведя, сивой гагары, (птицы-водяницы), давшей название «Гагарьей судьбине».

Е. И. Маркова видит цель клюевского завета в том, чтобы разбудить родовую память русского крестьянства, ибо в эпоху социальных потрясений первой трети XX столетия начинается процесс ее утраты. Ее слово о Клюеве, как и автобиографическая проза самого поэта, становится духовным посланием к людям XXI века, пытающимся осмыслить свою национальную идентичность и свои духовные истоки, чтобы понять, куда идти дальше.